

Amora Vex

Осколок

Amora Vex

Осколок

<https://litres.ru/74399618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетний Кай привык к бетонным лабиринтам школы-убежища, суровым приказам командира и вечной готовности к бою. Но когда его отправляют на опасную миссию, Кай понимает: это точка невозврата. На кону стоит не только его жизнь, но и будущее двенадцатилетней Софи. Их судьба переплетается с мрачным особняком древней вампириши Элеоноры, чьё появление переворачивает всё, во что они верили. Станет ли эта готическая обитель их спасением или окажется новой, более изящной клеткой?

Каю предстоит принять решения, которые навсегда изменят их маленькую семью, и защитить ту, без которой он больше не мыслит своего будущего. Свобода оказалась колючей, неудобной и пугающей. И каждый их выбор теперь — их собственный. Готовы ли вы шагнуть вместе с ними в рассвет, который не гарантирует спасения, но даёт шанс на собственную жизнь?

Содержание

Глава II Папины часы	27
Глава IV Девочка у дверей	68
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Amora Vex

Осколок

Глава I Дядя Джон

Глава II Папины часы

Глава III Убежище

Глава IV Девочка у дверей

Глава V Четыре года спустя

Глава VI Бегство из темноты

Глава VII Тень за порогом

Глава VIII Рей

Глава IX Серые глаза

Глава X Цена верности

Глава XI В тени приказа

Глава XII Во тьме

Глава XIII Между дождём и долгом

Глава XIV В шаге от пропасти

Глава XV Пока дождь прячет наши следы

Глава I

Дядя Джон

В нашей семье было четверо: я, моя младшая сестра София, любящий, но строгий отец и мама. Мама окружала наш мир заботой и лаской — её тепло словно обволакивало каж-

дый уголок дома, делая даже самые серые дни светлее. Наш дом стоял на тихой окраине города — старый, но крепкий, с облупившейся краской на ставнях и широкой верандой, где мама летом развешивала сушиться травы. Внутри пахло корицей и воском: мама обожала печь булочки по выходным, а каждую пятницу полировала старый дубовый комод, будто пыталась удержать в нём время. Это был дом, который дышал уютом, и в нём даже скрип половиц звучал как часть привычной, родной мелодии.

Новость о её смерти перевернула наш мир. В тот день она возвращалась с работы. Полиция сообщила отцу, что у неё отказало сердце — случился инфаркт. Но отец не верил в несчастный случай. Он замкнулся в себе, почти перестал разговаривать, только время от времени тихо повторял: «Её убили». В его глазах поселилась такая глубокая, тяжёлая тень, а мы не могли ему помочь справиться с этим в одиночку. Мы были слишком малы.

С тех пор в наш дом стали часто приходить люди. Лица некоторых я видел регулярно — они перешёптывались в прихожей, бросали на нас с Софией быстрые взгляды. Другие появлялись редко, и их внезапные визиты пугали меня ещё сильнее: они приносили с собой запах улицы, металла и чего-то чужого, что не вписывалось в наш мир. Отец всё глубже погружался в свои идеи. Вечерами он уходил куда-то с группой мужчин — всегда поздно, когда небо уже темнело, а звёзды зажигались одна за другой. Возвращался он на рас-

свете, когда первые лучи солнца едва касались крыш домов, и от него пахло дождём, пылью и чем-то горьким, как остывший кофе. А потом он стал пропадать на недели. И однажды не вернулся вовсе.

То утро началось как обычно — тишина, прохлада, запах остывшего чая на кухне. Пылинки кружились в узкой полосе света, падавшей из окна, и казалось, что мир замер, чтобы мы не заметили, как он изменился. И вдруг — стук в дверь. На пороге стоял темноволосый крепкий мужчина средних лет. Я часто видел его на отцовских собраниях: он всегда держался чуть в стороне, внимательно слушал и время от времени кивал, будто запоминал каждое слово. Его плечи были широкими, осанка — прямой, а в движениях чувствовалась спокойная уверенность человека, привыкшего принимать решения.

Он постучал, и этот стук отозвался внутри меня глухим эхом.

— Отца нет дома со вчерашнего вечера, — тихо сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Мужчина чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что пряталось за ними.

— Я знаю, — ответил он. — Боюсь, он не вернётся. Не бойся меня,пусти. Я пришёл помочь.

Его слова ударили, как пощёчина. В голове закружился вихрь вопросов, а в груди застыл ледяной комок безысходности.

— Ты откроешь? — спокойно повторил мужчина, и этот ровный, уверенный голос на мгновение прорвал пелену паники.

— Где отец? Почему вы так уверены, что он не придёт? — выпалил я.

Мужчина вздохнул. В тишине раздался лёгкий звон металла — и, судя по всему, это был ключ от нашего дома. Он начал поворачивать его в замке.

Моё сердце ухнуло куда-то вниз. Я метнулся наверх, в детскую, к Софии. Схватил её, прижал к себе, и мы забились под кровать. Она была чуть младше меня и сначала, испугавшись, начала тихо хныкать.

— Это игра, — прошептал я, стараясь говорить как можно убедительнее. — Нужно сидеть очень тихо, договорились?

София была смышлёной девочкой. У неё были большие серые глаза, в которых всегда отражалось всё, что она чувствовала, и сейчас в них плескался настоящий ужас. Она на секунду замерла, потом чуть улыбнулась сквозь слёзы и, прижимая к себе медвежонка — потрёпанного, с одной пуговицей вместо глаза, которого мама сшила ей на третий день рождения, — тихо кивнула.

Внизу скрипнули половицы. Сначала шаги прозвучали на кухне, потом переместились в гостиную. А затем — медленно, размеренно — пошли вверх по лестнице. Звуки были размеренными. Он останавливался, осматривая дом. Каждый скрип ступеньки отдавался в груди тяжёлым ударом. Он

приближался, и это вселяло в меня неуверенность и напряжение. Рано или поздно он нас найдёт.

— Кай, — раздался голос из коридора. — Мне совсем не хочется играть в прятки. Давай будем откровенны. Твой папа не вернётся. Вас либо заберут в приёмную семью, либо вы пойдёте со мной — и тогда мы всё обсудим.

София с ужасом посмотрела на меня. Её глаза наполнились слезами, и она начала плакать — тихо, беззвучно, только плечи вздрагивали. В моей голове пронеслась вся наша жизнь: мамины руки, папины наставления, смех Софии, наши маленькие семейные ритуалы — всё это вдруг стало хрупким, как тонкий лёд.

Мужчина вошёл в комнату и сел в кресло перед кроватью. Кресло было старым, с вытертыми подлокотниками, и оно знакомо скрипнуло под его весом.

Мужчина сидел прямо в кресле напротив. Слабый свет из окна падал на его фигуру. Его тёмные, выующиеся волосы были растрепаны, словно он только что пробился сквозь яростную ночную бурю. На его лице, суровом и сосредоточенном, читалась глубокая, вековая усталость, но взгляд оставался пугающе живым и цепким. Я не знал его имени, но лицо казалось смутно знакомым — я вспомнил, как иногда мельком видел его на тайных собраниях своего отца. Мужчина медленно обвел взглядом комнату, и на мгновение мне показалось, что его серые глаза остановились ровно на том месте под кроватью, где мы затаились. Он явно знал, что мы здесь,

но не спешил нарушать наше убежище. Его потрепанный походный костюм и этот странный серебряный кулон на груди выдавали в нем человека с непростым, полным опасных тайн прошлым, которое он умышленно скрывал за маской бродяги. Софи рядом со мной перестала дрожать — дикая, первобытная харизма этого человека необъяснимым образом внушала чувство безопасности среди всего этого кошмара.

— Меня зовут Джон, — он выдержал паузу, ожидая, что мы сами отзовёмся. — Я был другом и напарником твоего отца. Может, всё-таки покажитесь? Поговорим как взрослые.

Собравшись с духом, я выполз из-под кровати, помог выбраться Софии и, усадив её на постель, протянул ей медвежонка. Погладив сестру по голове, я сел рядом, стараясь выглядеть спокойнее, чем чувствовал себя на самом деле. Волосы Софии были растрёпаны, на щеке отпечаталась складка от медвежонка, а на коленке виднелась свежая ссадина — она упала вчера во дворе, но даже не заплакала: нарочно хотела казаться взрослой. Всегда такая — старалась следовать за мной и ни в чём мне не уступать. За эти мгновения она стала мне ещё дороже.

Джон смотрел на нас внимательно, без спешки. Его светло-серые глаза будто пытались разглядеть в нас что-то важное, словно он искал в наших лицах черты отца. В тёмных волосах проглядывала седина, особенно у висков, а на лице застыло выражение тяжёлой решимости, смешанной с уста-

лостью. На запястье у него поблёскивал простой металлический браслет, а на пальцах виднелись старые мозоли — следы работы, которая требовала силы и терпения.

В голове крутился лишь один вопрос, и, прежде чем я успел его прогнать, он сам сорвался с губ тихим, ровным шёпотом:

— Где папа?

— Мёртв, — ответил Джон. В голосе его звучало сожаление.

София зарыдала с новой силой, крепко прижав медвежонка к груди. Она уже понимала, что это значит: ведь мамы тоже не стало. Я обнял сестру, прижал её к себе, чувствуя, как её маленькое тело дрожит от слёз, и вдруг остро ощутил, как быстро она стала казаться мне не просто младшей сестрёнкой, а чем-то бесконечно хрупким, что я обязан защитить любой ценой.

— И вы хотите, чтобы мы пошли с вами? Почему? — спросил я, стараясь удержать голос ровным, хотя внутри назревало смятение — безысходность, граничащая со смятением.

— Твой отец просил меня позаботиться о вас, — сказал Джон. — Он был для меня не просто напарником — он был другом. И я считаю своим долгом выполнить его просьбу. Но если вы пойдёте со мной, ваша жизнь уже никогда не будет прежней. Зато вы узнаете правду.

Он поднялся, подошёл ко мне и протянул руку. Я раскрыл

ладонь, и Джон опустил в неё папины часы — те самые, с поцарапанным стеклом и потёртым ремешком, которые отец никогда не снимал. Они были у него давно, и, кажется, это был мамин подарок.

Я сжал их в кулаке, ощущая холод металла и тяжесть воспоминаний. Циферблат был чуть тёплым, будто ещё хранил тепло отцовского запястья. Всё, что от него осталось.

— Не прошу ответа прямо сейчас, — тихо произнёс Джон. — Я оставил на кухне пакет с продуктами. К вечеру вернусь. А вы пока подумайте.

Он вышел, прикрыв за собой дверь, и в комнате сразу стало тише, но не спокойнее. Тишина теперь была наполнена не уютом, а ожиданием — тяжёлым, густым, как предгрозового воздух. София притихла, уткнувшись лицом мне в плечо, а я сидел, сжимая в кулаке папины часы, и пытался понять, как в один миг наш уютный, тёплый дом стал местом, где прошлое лежит на полу, как разбитая чашка, и его уже не склеить.

Я смотрел на Софи и видел, что она стала такой притихшей. Мы за один короткий миг стали сиротами, а ответы и наша жизнь оказались в руках какого-то Джона?

Несколько часов мы с сестрой просто лежали на кровати в нашей комнате, такие же брошенные, как её плюшевый медведь.

— Соф... — тихо произнёс я.

Она лежала с закрытыми глазами и молчала. Будто бы её на мгновение не стало в этом мире.

— Мы остались друг у друга одни, но я не оставляю тебя. Мы должны держаться вместе, хорошо?

Она скрутилась в клубок, прижав медвежонка к себе.

Время тянулось невыносимо медленно. Каждая минута растягивалась, как резина, и каждый звук в доме казался громче, чем должен был быть. Скрип старого стула на кухне, шорох ветра за окном, далёкий гудок поезда — всё это звучало как предупреждение, как тихий шёпот, что прежней жизни больше нет. Я смотрел на часы в своей руке, на их поцарапанный циферблат, и думал, что стрелки будто застыли, отказываясь двигаться вперёд.

София наконец приоткрыла глаза. В них ещё стояли слёзы, но в них появилось и что-то другое — то, что всегда делало её сильной: упрямое, тихое желание не сдаваться.

— А если мы не пойдём? — прошептала она, не поднимая головы, будто боялась, что если посмотрит на меня, то снова заплачет.

— Тогда нас заберут в приют, — так же тихо ответил я, подбирая слова, чтобы не напугать её ещё сильнее.

— Но папа говорил, что нельзя доверять незнакомцам, — возразила она, и в её голосе слышалась та самая детская логика, которая цепляется за единственное знакомое правило, как за спасательный круг.

— Джон не совсем незнакомец, — возразил я, вспоминая, сколько раз видел его рядом с отцом, как они тихо переговаривались, как отец кивал, слушая его, и как Джон иногда

смотрел на нас с лёгкой улыбкой, будто ему нравилось видеть, как мы с Софией бегаем по двору.

— Он папин друг, — продолжал я, словно убеждая не столько её, сколько самого себя. — А папа никогда не ошибался в людях. Ну, почти никогда.

София чуть приподнялась на локте, её серые глаза внимательно изучали моё лицо, будто она пыталась прочитать в нём правду, которую нельзя было произнести вслух.

— А ты ему веришь? — спросила она.

Я помолчал. В груди всё ещё шевелился страх, холодный и колючий, но рядом с ним появилось и другое чувство — усталость от того, что нужно всё решать самому, быть взрослым, когда тебе всего двенадцать.

— Думаю, да, — наконец сказал я. — Если папа ему доверял, значит, и мы можем попробовать. Но если тебе страшно, мы подождём. Я не позволю никому тебя обидеть.

Она снова уткнулась мне в плечо, но теперь уже не так отчаянно, будто мои слова сняли хоть немного тяжести с её плеч.

Мы просидели так ещё долго. Солнце медленно ползло по комнате, рисуя на полу длинные золотистые полосы, которые постепенно укорачивались. Тени становились длиннее, воздух — прохладнее. Где-то в глубине дома тикали старые настенные часы, их мерный, спокойный ритм был единственным звуком, который не казался угрозой.

Наконец София заговорила снова, уже чуть твёрже:

— Если мы пойдём с ним, ты будешь рядом?

— Всегда, — пообещал я, крепче прижимая её к себе. — Куда бы мы ни пошли, я буду рядом.

Она вздохнула, и этот вздох был похож на сдавшееся, но честное «хорошо».

Когда на улице начало темнеть, я услышал шаги на крыльце. Они были уверенными, знакомыми — не такими, как у чужих, которые приходят с плохими новостями. Это был Джон.

Я поднялся, стараясь не шуметь, и подошёл к окну. На крыльце стоял он, серьёзный, с пакетом в руке. На секунду мне показалось, что он выглядит чуть уставшим, будто весь день носил на плечах что-то очень тяжёлое. Он остановился, посмотрел на дом, будто оценивая, готов ли он снова войти, и затем толкнул дверь.

— Я вернулся, — его голос прозвучал спокойно, без лишней суеты, как будто он просто пришёл после обычного дня, а не после того, как перевернул нашу жизнь.

Я стоял в дверях, держа Софию за руку. Она пряталась за мной, но уже не так сильно, будто решила, что если я стою прямо, то и ей можно не бояться.

— Мы подумали, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Мы пойдём с вами. Но только если вы обещаете, что с Софией ничего не случится.

Джон остановился, будто эти слова что-то изменили в нём. Он посмотрел сначала на меня, потом на Софию, и в

его светло-серых глазах мелькнуло что-то тёплое, почти отцовское.

— Обещаю, — сказал он, и в этом слове не было ни пафоса, ни пустых клятв. Оно прозвучало просто и честно, как обещание, которое он собирался держать любой ценой. — Я сделаю всё, чтобы вы были в безопасности.

Он поставил пакет на стол, достал оттуда хлеб, сыр, банку тушёнки и ещё какие-то продукты, будто хотел показать, что жизнь продолжается, что даже в самые тяжёлые дни нужно есть, дышать, двигаться вперёд.

— Сейчас мы поужинаем, — сказал он спокойно. — А потом я расскажу вам кое-что. То, что ваш отец хотел, чтобы вы знали. Но не сегодня. Сегодня вам нужно просто отдохнуть.

И мы сели за стол — втроём, в нашем старом доме, который ещё хранил запах маминых булочек и воска, но уже начинал пахнуть чем-то новым, чем-то, что шло извне, из мира, о котором мы почти ничего не знали.

Пока мы ели, Джон говорил о простых вещах: о том, как правильно хранить хлеб, чтобы он не плесневел, о том, что в холодную погоду лучше пить горячий чай, а не кофе, о том, что старые дома умеют хранить тепло, если за ними ухаживать. И в этих простых словах было что-то успокаивающее, будто он специально выбирал их, чтобы дать нам почувствовать, что не всё вокруг рушится, что есть вещи, которые остаются надёжными, даже когда остальное меняется.

После ужина он помог убрать со стола, а потом подошёл к

книжной полке, где стояли старые альбомы с фотографиями. Он взял один из них, сел на диван и жестом позвал нас к себе.

— Ваш отец был хорошим человеком, — начал он, открывая альбом. — Не идеальным, но честным. Он всегда делал то, что считал правильным, даже если это было опасно.

На фотографиях отец был разным: улыбался, хмурился, смеялся, обнимал маму, держал на руках маленькую Софию, учил меня завязывать узел. На каждой из них он был живым, настоящим, и смотреть на них было одновременно больно и хорошо.

— Он не просто так пропадал по ночам, — продолжил Джон, не отрывая взгляда от фотографий. — У него была работа. Очень важная и очень опасная. Он защищал людей от того, о чём большинство даже не подозревает.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— От чего? — тихо спросил я.

Джон помолчал, будто подбирая слова, которые не испугают нас слишком сильно.

— От существ, которые живут в темноте, — наконец ответил он. — От вампиров и от другой нечисти. Есть те, кто охотится на них, чтобы обычные люди могли спокойно спать по ночам. Ваш отец был одним из таких охотников.

София прижалась ко мне, но не заплакала. В её глазах было больше удивления, чем страха.

— Значит, он спасал людей? — спросила она.

— Да, — кивнул Джон. — Именно так.

— И поэтому его... убили? — мой голос дрогнул, но я постарался не отвести взгляд.

— Да, — снова кивнул Джон, и на этот раз в его голосе прозвучала сталь, холодная и твёрдая. — Он перешёл дорогу тем, кто не хотел, чтобы их находили.

Я посмотрел на папины часы в своей руке. Теперь они казались не просто вещью, а чем-то большим — символом, обещанием, которое я должен был выполнить.

— И что теперь будет с нами? — спросил я.

— Теперь вы будете под защитой, — спокойно ответил Джон. — Есть места, где таких, как вы, учат выживать в этом мире. Школы и убежища, где готовят новых охотников. Там дают обычное образование, но ещё учат сражаться, распознавать опасность, зачищать проблемные зоны, где нечисть становится особенно сильной. Это тяжёлая жизнь, но она даёт шанс защитить тех, кто дорог.

— Вы хотите, чтобы мы стали такими же, как папа? — спросил я, чувствуя, как внутри поднимается странное, незнакомое чувство — не страх, а скорее решимость.

— Я хочу, чтобы сегодня у вас был выбор, — сказал Джон, глядя мне прямо в глаза. — Чтобы вы знали правду и могли решить сами, какой путь вам ближе. Но сначала вам нужно быть в безопасности. А для этого придётся оставить этот дом.

Мы молчали, и в этой тишине было слышно, как стучит сердце — моё, Софии, и, может быть, даже его.

— Когда мы уйдём? — наконец спросил я.

— Завтра вечером, — ответил Джон. — Сегодня вы должны попрощаться с домом. С каждой его трещиной, с каждым запахом, с каждой тенью в углу. Потому что, когда вы вернётесь сюда, всё будет другим. Или не вернётесь вовсе.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и окончательные, как захлопнувшаяся дверь. Я сжал папины часы ещё крепче, будто они могли удержать меня от падения в эту новую, пугающую реальность. София тихо всхлипнула, но уже не плакала — просто пыталась спрятать дрожь в голосе.

— А куда мы пойдём? — спросила она, глядя на Джона снизу вверх, так, как смотрят на взрослого, когда очень хочется верить, что он всё исправит.

Джон чуть наклонил голову, подбирая слова.

— В одно безопасное место. Там есть школа, но не такая, как в городе. Там учат не только математике и истории. Там учат выживать. И сражаться. И видеть то, что другие не замечают.

София нахмурилась, будто пыталась понять, как можно учиться видеть невидимое.

— Как в сказках? — прошептала она.

— Не совсем, — спокойно ответил Джон. — В сказках зло всегда понятно: дракон, ведьма, колдун. А в жизни оно прячется. Прячется в тенях, в пустых переулках, в тишине, которая становится слишком густой. И именно этому — замечать эту тишину — вас и будут учить.

Я посмотрел на сестру. В её глазах мелькнуло любопытство, смешанное со страхом. Она всегда любила истории про рыцарей и драконов, но теперь эта история стала настоящей, и от этого было не по себе.

— И там будут другие дети? — спросила она.

— Да, — кивнул Джон. — Там много детей. У кого-то родители тоже были охотниками. Кто-то сам столкнулся с чем-то страшным и теперь учится с этим жить. Вы не будете там одни.

Это слово — «не одни» — прозвучало как самое важное из всего, что он сказал. Мы и правда больше не были одни. И от этого становилось чуть легче дышать.

Остаток вечера прошёл странно: будто мы пытались вести себя как обычно, но всё выходило натянутым, неестественным. Джон разогрел тушёнку, нарезал хлеб, заварил чай. Мы ели, почти не разговаривая, но в этой тишине уже не было той давящей пустоты, что висела в доме последние дни. Теперь тишина была другой — она была заполнена присутствием Джона, его спокойствием, его уверенностью, что он знает, что делать.

Когда мы закончили, он собрал тарелки, сполоснул их и аккуратно расставил на сушилке — так, как это всегда делала мама. И от этой мелочи у меня в горле снова встал ком.

— Я помогу, — тихо сказал я и подошёл к нему.

Он кивнул, не поднимая глаз, и протянул мне полотенце. Мы стояли рядом у раковины, и это было самое обычное, са-

мое домашнее занятие, какое только можно придумать. И в то же время оно казалось каким-то невероятно важным — будто мы скрепляли этим что-то хрупкое, что могло рассыпаться от любого резкого слова.

София сидела за столом, прижимая к себе медвежонка. Она смотрела на нас, будто пыталась запомнить этот момент: как мы стоим у раковины, как капли воды тихо падают в железный таз, как свет лампы ложится на старые доски пола.

После уборки Джон достал из сумки небольшую карту, развернул её на столе и прижал углы чашками.

— Вот сюда мы поедим завтра, — он провёл пальцем по извилистой линии дороги, уходящей далеко за пределы нашего города. — Это не близко. Но там нас ждут.

Я наклонился, чтобы рассмотреть карту. На ней были отмечены не только города и шоссе, но и какие-то странные символы: маленькие крестики, круги, линии, которые не совпадали ни с одной дорогой, которую я знал.

— Что это? — спросил я, указывая на один из знаков.

— Места силы, — негромко ответил Джон. — Места, где граница между мирами тоньше. Там чаще появляется нечисть. И там же охотники ставят заслоны, чтобы зло не расползлось дальше.

— Папа бывал в таких местах? — тихо спросил я.

Джон помолчал, потом кивнул.

— Бывал. И не раз. Он знал эти места лучше многих. Именно поэтому его и ценили. Он не боялся идти туда, где

другие поворачивали назад.

В груди снова шевельнулась горечь, но теперь к ней при-
мешивалось и другое чувство — гордость. Мой отец был
смелым. Он защищал людей. И теперь мне хотелось быть
хоть немного похожим на него.

— А ты тоже бывал там? — спросила София, осторожно
касясь пальцем одного из крестиков на карте.

— Бывал, — кивнул Джон. — И не раз. И если вы решите
остаться в Ордене, однажды и вы там побываете. Но не сразу.
Сначала нужно научиться основам.

— Чему именно? — не удержался я.

Джон сел на стул, положил руки на стол и посмотрел на
нас так, будто собирался рассказать что-то очень важное.

— Всему. Как отличать следы вампира от следов обычно-
го зверя. Как читать знаки и сражаться в команде. Как ста-
вить обереги, чтобы нечисть не могла подойти близко. Как
сражаться, если бой неизбежен. И самое главное — как не
потерять себя в этой борьбе. Потому что тьма умеет шептать.
Она умеет обещать силу, обещать месть, обещать, что ты ста-
нешь сильнее всех. Но цена за это всегда слишком высока.

Я слушал и чувствовал, как внутри меня что-то меняется.
Это была не просто история про монстров и охотников. Это
был другой мир, и он требовал от тебя всего — твоей смело-
сти, твоей честности, твоей готовности стоять на своём, да-
же когда страшно.

— Ты думаешь, мы сможем этому научиться? — тихо

спросил я.

— Вы сможете, — уверенно сказал Джон. — У вас есть главное: вы держитесь друг за друга. А в нашем деле это важнее любой силы.

София подняла на него глаза, в которых теперь было не только любопытство, но и решимость.

— Я не хочу, чтобы кто-то ещё страдал, как мы, — прошептала она.

Джон мягко улыбнулся — впервые за весь вечер.

— Тогда мы сделаем всё, чтобы этого не случилось.

Потом он убрал карту, достал из сумки несколько толстых книг и положил их на стол.

— Это учебники. Для начинающих. Завтра мы их возьмём с собой. А сейчас... сейчас вам нужно поспать. Дорога будет долгой, и она не будет лёгкой.

Мы поднялись наверх, в нашу комнату. София легла на кровать, не выпуская медвежонка, и закрыла глаза. Я сел рядом, положил папины часы на тумбочку и долго смотрел на их поцарапанный циферблат. Казалось, что стрелки всё-таки двигались, но так медленно, что это было почти незаметно.

— Кай, — тихо позвала София.

— Да?

— Ты правда думаешь, что там будет хорошо?

Я помолчал, подбирая слова, которые не будут ложью, но смогут её успокоить.

— Не знаю, будет ли там хорошо, — честно ответил я. —

Но там будет безопасно. И там мы будем не одни. А это уже много.

Она кивнула, будто приняла это как данность, и через несколько минут её дыхание стало ровным и спокойным.

А я ещё долго сидел, глядя в темноту, слушая, как дом вздыхает вокруг меня. Скрипит старая лестница, шуршит ветер в щелях ставен, тикают часы в коридоре. Этот дом столько лет хранил нас, столько раз укрывал от дождя и холода, от плохих снов и тревог. И теперь я должен был попрощаться с ним. Не просто выйти за дверь, а оставить его позади, как часть прежней жизни, которая больше не вернётся.

Я встал, подошёл к окну и посмотрел на двор. Луна освещала веранду, старые качели, на которых мы с Софией качались прошлым летом, клумбу, где мама выращивала лаванду. Всё это было таким знакомым, таким родным, что хотелось просто остаться здесь, притвориться, что ничего не случилось, что папа скоро вернётся, постучит в дверь, улыбнётся и скажет: «Ну что, ребята, кто хочет чаю с булочками?»

Но я знал, что этого не будет. Папа не вернётся. Мама не выйдет на веранду с корзинкой трав. И наш дом больше не сможет нас защитить.

Тогда я тихо спустился вниз. Джон сидел в гостиной, склонившись над какими-то бумагами. Когда он услышал мои шаги, поднял голову.

— Не спится? — спокойно спросил он.

Я покачал головой.

— Хотел попрощаться с домом, — тихо сказал я.

Джон встал, подошёл ко мне и положил руку мне на плечо. Его ладонь была тёплой и тяжёлой, как будто в ней была вся его уверенность, и он хотел поделиться ею со мной.

— Это тяжело, — сказал он. — Прощаться с тем, что любишь. Но иногда это единственный способ двигаться вперёд.

— А если я не справлюсь? — вдруг вырвалось у меня.

— Справишься, — без колебаний ответил он. — Потому что ты не один. И потому что ты уже делаешь самое трудное — берёшь ответственность за сестру. А это больше, чем умеют многие взрослые.

Я кивнул, чувствуя, как в груди становится чуть легче.

— Расскажи мне про Орден, — попросил я. — Про то, как всё устроено.

Джон чуть улыбнулся, будто был рад, что я спросил.

— Орден существует уже сотни лет. Его основали люди, которые поняли, что зло не миф и не сказка. Оно реально. Оно приходит ночью, когда все спят, и забирает тех, кто не может себя защитить. И тогда несколько смелых людей решили: если никто не встанет на защиту, это сделаем мы. С тех пор Орден растёт, меняется, приспособливается, но его цель остаётся прежней: оберегать мир людей от того, что прячется во тьме.

— И все в Ордене такие, как папа? — спросил я.

— Почти все, — кивнул Джон. — Кто-то приходит, потому что потерял кого-то. Кто-то — потому что сам едва вы-

жил. А кто-то просто чувствует, что должен это делать. Но всех их объединяет одно: они готовы рисковать собой ради других.

Я подумал о папе, о том, как он уходил по ночам, как возвращался уставшим, но никогда не жаловался. Теперь я понимал, что он делал это не просто так. Он спасал людей. И, возможно, именно поэтому его убили — потому что он был опасен для тех, кто хотел оставаться в тени.

— А что будет с нами, если мы присоединимся к Ордену? — спросил я.

— Вы станете частью большой семьи, — ответил Джон. — Вас будут учить, защищать, направлять. Но и от вас будут ждать ответственности. Вы должны будете учиться, тренироваться, быть внимательными. И однажды, когда будете готовы, вы тоже сможете выходить на задания. Защищать тех, кто не знает, как защититься.

— Как папа, — тихо повторил я.

— Как папа, — подтвердил Джон.

Мы ещё немного поговорили. Он рассказал про разные убежища, про то, как устроены тренировки, про учителей, которые сами прошли через многое и теперь хотят передать свой опыт. Он говорил спокойно, без пафоса, просто и честно, и от этого его слова звучали ещё убедительнее.

Когда я вернулся в комнату, София уже крепко спала. Я сел на край кровати, посмотрел на неё, на её спокойное лицо, на медвежонка, которого она прижимала к себе, и понял, что

делаю правильный выбор. Я должен был защитить её. И если для этого нужно было научиться сражаться с тьмой, значит, я этому научусь.

Глава II Папины часы

Вечер приближался с неизбежной скоростью, будто небо нарочно темнело быстрее обычного, стирая очертания крыш и затягивая улицы густой синевой. Сумерки ложились на город тяжёлым покрывалом, и даже свет фонарей казался неспособным разогнать эту плотную, вязкую темноту. В воздухе пахло дождём, который так и не пролился, — только эта влажная, колючая сырость, от которой стынут пальцы и хочется плотнее закутаться в плед.

С трудом, но мне удалось успокоить малышку Софи — я гладил её по спине, шептал, что всё будет хорошо, и сам пытался поверить в эти слова. Мы поели еду, которую принёс Джон: простые бутерброды с сыром, но в тот момент они казались почти роскошью. Пока Софи жевала, я думал над его словами, прокручивая их снова и снова, как заезженную пластинку. Он правда хочет нам помочь? Или за этим спокойствием прячется что-то ещё? Ведь если двоих детей заберёт служба опеки, я могу навсегда потерять сестру — единственную, что у меня осталась.

Я ненавидел свою безысходность и свою слабость. Ненавидел то, как мелко дрожали пальцы, когда я пытался сложить одеяло ровно, как будто порядок в мелочах мог хоть что-то исправить. Неужели отец был прав насчёт мамы, и те-

перь он тоже мёртв? Эта мысль царапала изнутри, острая и безжалостная, как осколок стекла.

Я часто видел Джона на собраниях у отца — он всегда держался чуть в стороне, скрестив руки и чуть наклонив голову, будто взвешивал каждое слово. Но стоит ли ему доверять, я не знал. В груди шевелился холодный червячок сомнения: а вдруг он такой же, как те, из-за которых отец пропал ночами? Чёртовы собрания. О чём отец только думал? Если бы не его глупые погони, он был бы жив.

Приводя в порядок дом, я чувствовал себя призраком, скольльзящим по комнатам, где каждая вещь шептала о прошлом. На полке стояла мамина любимая чашка с отбитой ручкой — она никогда не позволяла её выбросить, говорила, что в сколах прячется история. На подоконнике лежал старый блокнот, где отец записывал маршруты своих ночных вылазок, а рядом — засохший цветок лаванды, который Софи сорвала прошлым летом и торжественно вручила маме. Представить себе не мог, что счастливые воспоминания будут причинять столько боли. Мир казался пустым и потерявшим свой смысл.

Вечером я включил мультфильмы — старые, те, что мы с Софи смотрели ещё с мамой. Яркие цвета и беззаботные голоса героев казались сейчас чем-то из другой жизни, почти нереальными. Мы сидели на первом этаже, Софи уже заснула рядом со мной на диване под маминым пледом — шерстяным, колючим, с выцветшими узорами, которые она обожа-

ла разглядывать перед сном. Это всегда её успокаивало. Мне было её так жаль, что разрывалось сердце: она не должна была проходить через всё это, не должна была учиться вздрагивать от каждого резкого звука. Знать, что такое потеря.

Диван, на котором мы сидели, был старым, с продавленными подушками, и от него пахло домом — смесью пыли, лаванды и маминых духов, которые она брызгала на обивку, чтобы запах держался дольше. На стене висели часы с кукушкой — они давно не ходили, но мы всё равно их не снимали: мама говорила, что тишина тоже может быть уютной, если знаешь, что она добрая. Сейчас эта тишина стала другой — тяжёлой, насторожённой, будто дом прислушивался к каждому нашему вздоху.

Казалось, что эта тишина и неизбежность, густые, словно камень, топили всё вокруг. Мне вспомнилась улыбка мамы и как я однажды её обидел. Мы поругались из-за какой-то ерунды — я не хотел есть кашу, кричал, что ненавижу овсянку, и хлопнул дверью, уходя в свою комнату. Мама тогда не стала меня догонять, просто тихо вздохнула и сказала: «Когда будешь готов извиниться, я буду здесь». А я так и не успел. Не успел сказать, что люблю её, что каша не такая уж и плохая, что я просто устал и хотел, чтобы меня поняли. Теперь эти глупые обиды казались мне тяжелее любого горя.

От всех этих мыслей и эмоций меня начало клонить в сон. Глаза тяжелели, а в голове всё крутились обрывки фраз, воспоминаний, слов. Стук в дверь пронзил тишину дома, как

удар молнии, и отвлёк меня от полудрёмы. «Наверное, это Джон... Но ведь у него есть ключ», — подумал я, и в груди ёкнуло: а вдруг это не он?

Он казался мне непоколебимым. Частью отцовского мира.

Я тихонько поднялся с дивана, стараясь не потревожить Софи, и подошёл к двери. В коридоре пахло пылью и старым деревом — запах, который раньше казался уютным, теперь казался тяжёлым, давящим, будто стены сами стали чужими. На полу лежала половица, которая всегда скрипела на третьем шаге от лестницы, — я нарочно старался на неё не наступать, чтобы не разбудить Софи, но сейчас этот скрип казался мне единственным звуком, который мог меня выдать.

— Дядя Джон, это ты? — мой голос прозвучал тоньше, чем хотелось бы, почти по-детски.

Из тишины послышался голос, ровный и чужой:

— Полиция. Открой, пожалуйста, дверь. Ты один?

«Полиция?» — охнул я, и сердце забилося где-то в горле. Может быть, они нашли папу? В голове вспыхнула нелепая надежда, тут же погасшая от ледяного предчувствия. Я посмотрел в глазок: там правда стоял молодой полицейский, в форме, с чуть наклонённой головой, будто прислушивался к чему-то за дверью. Его лицо было спокойным, он ждал.

— Родителей нет дома. Придите позже. Скоро придёт мой дядя.

— Хорошо, малыш, — сказал мужчина, и в его голосе прозвучало отчётливо и спокойно. Он был высоким и казал-

ся в эту минуту каким-то супергероем, пришедшим нас спасти. Затем, судя по звукам, он отдалился от двери.

На меня нахлынули вопросы и мысли — я был в панике, и эта паника пульсировала в висках. Может, он пришёл, чтобы сказать нам что-то об отце? Или хотя бы пролить свет на всю эту ситуацию...

Я нащупал в кармане папины часы — тяжёлые, с поцарапанным стеклом и потёртым ремешком. Металл был холодным, почти ледяным, и это ощущение на секунду вернуло меня в реальность. Другая рука сама дрогнула на дверной ручке.

— Стойте! Может, подождёте внутри? — выкрикнул я, сам не понимая, зачем это делаю.

На улице смеркалось. Холодный ветер колыхал деревья, и их ветви царапали крышу, словно кто-то скребся снаружи. В окне мелькнули отсветы фар — машина полиции стояла у обочины, тускло мигая жёлтым, будто подмигивала мне, обещая защиту. Отрезвляющий признак нашей новой реальности.

Полицейский развернулся и, поглядев на меня, пошёл в мою сторону, чеканя шаг. С каждым его шагом, казалось, воздух становился тяжелее, а тишина — гуще. Звук его шагов отдавался в моём сердце, как удары молотка.

Он вошёл в дом, и вместе с ним внутрь проник запах улицы — сырости, мокрого асфальта и чего-то ещё, едва уловимого, но неприятного, как запах озона перед грозой. Он

оглядел гостиную, где спала Софи, и нашу маленькую кухню, будто сканировал пространство, запоминая каждую деталь. На полке над раковиной стояли мамины баночки с травами, на столе — недопитый стакан с водой, в котором плавал одинокий листик мяты. Всё это вдруг показалось мне слишком хрупким, слишком незащищённым.

— Вы тут одни? — участливо спросил он, но в этом участии не было тепла — оно было холодным, как лёд.

— Да, — ответил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но мой дядя скоро придёт, — быстро добавил я, цепляясь за эту мысль, как за спасательный круг. — Может, вы хотите кофе или что-то ещё? — спросил я, взглянув на него. Его лицо показалось мне неестественно бледным, почти восковым. Светлые глаза блестели неестественным светом, будто отражали не лампу, а что-то изнутри.

— Хммм... — протянул он, и этот звук скользнул по коже, как лезвие.

Не знаю почему, но инстинктивно мне стало страшно — не просто тревожно, а по-настоящему, до тошноты. Он прошёл к лестнице наверх, минуя меня, словно я — пустое место, тень, не стоящая внимания.

Я торопливо последовал за ним, чувствуя, как липкий страх ползёт по спине.

Поднявшись наверх, он остановился и посмотрел на фотографии на лестничной стене. На одной из них мама смеялась, прижимая к себе нас с Софи; на другой отец стоял,

положив руку мне на плечо, серьёзный, но с едва заметной улыбкой. Полицейский долго смотрел на них, чуть склонив голову, будто пытался прочесть в этих лицах какой-то скрытый смысл. Затем, молча, он продолжил свой путь. У него были широкие плечи, он был довольно высоким, и от него пахло парфюмом — резким, пряным, который не мог перебить тот странный, металлический запах, витавший вокруг него.

Он обошёл весь дом и, обернувшись ко мне, переспросил, чуть прищурившись:

— Так значит, вы правда остались здесь совсем одни и ждёте своего дядю?

— Да. Он скоро придёт, и...

Внизу послышался звук открывающейся двери. «Наверное, это он», — подумал я, и на секунду мир стал чуть светлее.

Я снова обернулся к полицейскому.

— Отлично. Все в сборе, — произнёс он, и его губы растянулись в улыбке, которая не имела ничего общего с радостью.

Я опешил. Он улыбался какой-то странной улыбкой, и я увидел блеск его зубов в темноте — они казались чуть длиннее, чем должны быть.

— Кай?

Не знаю почему, в панике я прокричал:

— Дядя Джон!..

Я не успел договорить — мой голос прервался глухим ударом: мужчина оттолкнул меня с такой силой, что я врезался плечом в стену. Он ринулся вниз по лестнице на голос Джона, издавая какой-то нечеловеческий хрип, похожий на скрежет металла. Он двигался с необычайной скоростью, словно не бежал, а скользил, размываясь в полумраке, как взбешённое животное.

Приходя в себя от удара, сквозь шум в ушах я слышал, как внизу двое мужчин вступили в схватку: треск дерева, тяжёлый удар, сдавленное ругательство Джона.

Я подполз к лестнице и внизу увидел, как полицейский накинута на Джона — тот лежал на спине, прикрывая голову руками. Я пришёл в шок: полицейский пытался укунить дядю Джона; тот удерживал его на расстоянии, но существо вырывалось, извиваясь, как змея.

Софи к тому времени проснулась, и слышался её крик — пронзительный, срывающийся в отчаянье. Я всем телом ощущал, насколько ей страшно.

— Софи! — крикнул я.

Сестра ринулась ко мне, минуя двух мужчин, её босые ноги шлёпали по полу. Мы побежали в комнату, и я велел ей спрятаться под кроватью. Сам побежал обратно, но она вцепилась в мою рубашку, цепляясь за неё, как за последнюю опору.

— Нет! — в истерике закричала она, её глаза были огромными, полными ужаса.

— Я скоро вернусь, пожалуйста, спрячься! — выкрикнул я, стараясь вложить в эти слова всю уверенность, которой у меня не было.

— Софи, не выходи! — крикнул я ещё раз, прежде чем метнуться обратно к лестнице.

То, что я увидел, заставило кровь застыть в жилах. Мужчина в полицейской форме зарычал, и этот звук был нечеловеческим — низкий, вибрирующий, будто шёл не из горла, а из самой темноты. Он снова бросился вперёд, но Джон резко выбросил руку и схватил с полки тяжёлую керамическую вазу. Разбил её о край шкафа — и в руке у него остался острый, зазубренный осколок, тускло блеснувший в полумраке.

— Не подходи! — рявкнул Джон, и в его голосе звучала не просто угроза, а холодная решимость человека, который уже видел такое раньше.

Существо замерло на долю секунды. Его глаза сузились, а на губах появилась та самая жуткая улыбка, обнажившая слишком много зубов.

— Думаешь, это поможет? — прошипел он, и голос вдруг стал другим — не тем вежливым тоном полицейского, а чем-то древним и холодным, будто из глубины веков. — Собираешься убить меня этим?

Джон ринулся в сторону, прикрывая собой проход к лестнице, словно щит между ним и нами.

Я не мог просто стоять. В голове крутились мысли, стелкаясь и рассыпаясь, как сухие листья на ветру. В кармане

всё ещё лежали папины часы. Я вытащил их, и холодный металл обжёг ладонь. Циферблат тускло блеснул в полумраке, стрелки застыли на без десяти восемь — время, когда мама обычно возвращалась домой. И тут меня осенило.

— Свет! — подумал я, пока мужчины снова вцепились в неистовой схватке. Надо было что-то сделать, помочь Джону. — Знаю, кажется, придумал!

Я рванулся к торшеру, дёрнул шнур, и комната вспыхнула резким жёлтым светом, выхватывая из темноты каждую деталь: пыль, кружащуюся в воздухе, тени, дрожащие на стенах, искажённое лицо существа.

Вампир взвыл. Не закричал, не зарычал — именно взвыл, как загнанный зверь, и отшатнулся, прикрывая лицо рукой. Его лицо исказил страх, и на мгновение он отвлёкся от Джона. От неожиданности чудовище метнулось в сторону, рефлекторно пытаясь защититься.

Джон не упустил шанса. Он метнулся вперёд и вонзил осколок прямо в грудь существа. Тот захрипел, глаза его расширились, и на мгновение в них мелькнуло что-то почти человеческое — боль, удивление, даже тоска.

Но этого хватило. Джон рванул осколок в сторону, и полицейский рухнул на колени, содрогнувшись, будто пытаясь удержать внутри то, что вытекало из него вместе с тьмой. Он начал царапать свою грудь, пытаясь вытащить оружие из своей раны.

— Что... — прохрипел он, и его голос снова стал похож

на человеческий, слабый и надтреснутый. — Как...

— То, что должен был, — выдохнул Джон, отступая на шаг. Его плечи опустились, он быстро оглядывался в поисках чего-то. Затем, заметив стул, он лёгким движением опрокинул его и отломил от него ножку. Осмотрел заострённый край, затем рухнувшее тело.

Мы смотрели, как тело полицейского превращалось в прах. Хлопья пепла с шипеньем поднимались в воздух. Через мгновение от него осталась только его рубашка, штаны и ботинки.

Софи выбежала из комнаты, всхлипывая, у меня за спиной, и я обернулся, чтобы прижать её к себе, чувствуя, как её маленькое тело дрожит, как струна.

— Всё хорошо, — прошептал я, хотя сам едва мог дышать, и голос звучал жалко и неуверенно. — Всё кончилось.

Но Джон покачал головой, его лицо было усталым, измождённым, будто он нёс этот груз годами.

— Не совсем, — тихо сказал он, глядя на останки существа, которое только что пыталось его убить, поправляя на себе куртку, словно стряхивая с себя пыль от недавней битвы. — Настораживает, что он пришёл так быстро.

Он подошёл ко мне, положил руку мне на плечо — тяжёлую, надёжную, пахнущую порохом и железом, — и посмотрел прямо в глаза.

— Слушай меня внимательно. Сейчас ты возьмёшь Софи, соберёшь самое необходимое и пойдёшь со мной. Мы не мо-

жем оставаться здесь. Кто-то послал его, и он не будет последним.

Я кивнул, глотая ком в горле, чувствуя, как реальность трескается по швам.

— Молодец — сказал Джон. — Хорошая идея — отвлечь его.

— А... а что с ним? И кто... — я кивнул на фигуру на полу, которая уже почти исчезла, оставив после себя лишь тёмное пятно и лёгкий запах гари.

— А ты как думаешь? — напряжённо ответил Джон, его взгляд был тяжёлым. В голосе слышалось раздражение.

— Монстр?

— Вампир, — буркнул Джон, стиснув зубы. Было видно, что он хотел выругаться, но не стал — то ли ради нас, то ли потому, что на ругань не осталось сил.

— Но... как? — пролепетал я, всё ещё не в силах поверить в то, что только что произошло. — Это же... это невозможно.

— Возможно, — резко оборвал меня Джон, и в его глазах мелькнула тень чего-то гораздо более глубокого, чем усталость — тень боли, которую он носил годами. — И это только начало. Если ты хочешь выжить и защитить Софи, ты должен перестать думать, что мир устроен так, как тебе рассказывали в школе. Мир гораздо страшнее и гораздо сложнее. И прямо сейчас у нас нет времени на вопросы.

Софи всхлипнула, прижимая медвежонка к груди так

сильно, что ткань натянулась, и одна пуговица-глаз чуть не оторвалась.

— Я не хочу никуда идти, — пробормотала она, глядя на меня с надеждой, будто я мог одним словом отменить всё, что случилось. — Я хочу остаться здесь. Здесь пахнет мамой.

У меня сжалось сердце. Я опустился перед ней на колени, взял её за плечи, стараясь, чтобы мои руки не дрожали.

— Я знаю, Соф, — тихо сказал я. — Я тоже хочу, чтобы всё было как раньше. Но если мы останемся, придёт ещё кто-то. И в следующий раз Джон может не успеть. А я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Пожалуйста, помоги мне. Собери медвежонка, свои любимые носки, зубную щётку. Всё, что тебе дорого. Мы уйдём ненадолго. Обещаю, мы вернёмся, когда станет безопасно.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, в котором смешивались обида, страх и доверие. Потом медленно кивнула, уткнулась лбом мне в плечо и прошептала:

— Только не оставляй меня одну.

— Никогда, — повторил я, глядя ей прямо в глаза, чтобы она увидела: я не просто говорю слова, чтобы её успокоить. Я клянусь. И сам себе в этот момент пообещал, что сделаю всё, чтобы сдержать эту клятву.

Софи медленно отстранилась, кивнула и, не выпуская медвежонка, пошла в нашу комнату. Я смотрел ей вслед, и у меня внутри всё сжималось от боли и страха. Она шла так по-взрослому, так собранно, будто вдруг стала старше на

несколько лет. И это было страшнее всего.

Джон тем временем быстро обошёл гостиную, проверяя окна, дёргая задвижки, прислушиваясь к тишине за стенами. Его движения были резкими, отточенными, как у человека, который привык действовать на грани. Он остановился у книжного шкафа, провёл рукой по корешкам, будто искал что-то, потом резко вытащил одну из книг — толстый том в тёмно-коричневом переплёте с потускневшим золотым тиснением. Открыл её, и из неё выпал небольшой металлический предмет, похожий на плоский ключ с причудливыми насечками. Джон поймал его на лету, сунул в карман, а книгу небрежно поставил обратно.

— Что это? — спросил я, подходя ближе.

— Запасной план, — коротко бросил он, не глядя на меня.

— На случай, если нас загонят в угол.

Я хотел спросить ещё что-то, но Джон поднял руку, призывая к тишине. Он стоял, чуть наклонив голову, словно прислушивался к чему-то, что было недоступно моему слуху.

— Слышишь? — прошептал он.

Я напрягся, пытаюсь уловить хоть что-нибудь за пределами привычного шума старого дома: тиканья часов, скрипа половиц, далёкого гула улицы. И вдруг до меня донёсся едва уловимый звук — будто кто-то осторожно провёл ногтем по стеклу. Тихий, почти незаметный, но от него по коже побежали мурашки.

— Это... снаружи? — выдохнул я.

Джон кивнул, его лицо стало каменным.

— Они не работают в одиночку. Если пришёл один, значит, где-то рядом есть другие. И они знают, что мы здесь.

В этот момент из комнаты вышла Софи. В одной руке она держала медвежонка, в другой — свой маленький рюкзачок, в который кое-как впихнула носки, любимую книжку с картинками и зубную щётку. На плече у неё висела мамина шаль — та самая, с кисточками, которую мама надевала прохладными вечерами.

— Я готова, — тихо сказала она, глядя на Джона, а не на меня, будто искала в нём ту самую уверенность, которой мне так не хватало.

— Молодец, — кивнул Джон, и в его голосе прозвучало что-то похожее на тепло, хотя он по-прежнему оставался собранным и насторожённым. — Теперь слушай меня внимательно. Мы выходим через чёрный ход, во двор, а оттуда — через калитку в переулок. Там нас ждёт машина. Но идти нужно тихо. Ни звука. Поняла?

Софи кивнула, крепко прижимая медвежонка к груди.

— А если они нас увидят? — спросил я.

— Тогда будем действовать по обстоятельствам, — сухо ответил Джон. — Но я не собираюсь доводить до этого.

Он подошёл к входной двери, прислушался, потом осторожно приоткрыл её и выглянул наружу. Ночь окончательно вступила в свои права. Фонарь у соседнего дома мигал,

то разгораясь, то угасая, и от этого тени на улице казались живыми, шевелящимися. В воздухе по-прежнему пахло дождём, но теперь к этому запаху примешивался ещё один — металлический, резкий, от которого хотелось сморщить нос.

— Чисто, — пробормотал Джон, отступая назад. — Пока чисто.

Мы двинулись к задней двери. Я шёл первым, держа Софи за руку. Её пальцы были ледяными, но она не жаловалась. Джон шёл позади, прикрывая нас, его шаги были почти беззвучными, хотя он был крупным мужчиной.

Когда мы подошли к двери, ведущей во двор, Джон снова остановился, прислушиваясь. Потом медленно повернул ручку и приоткрыл дверь на щелочку. В щель ворвался холодный воздух и запах мокрой травы.

— Держитесь за мной, — прошептал он и шагнул наружу.

Мы последовали за ним. Двор был тёмным, почти непроглядным. Старые качели, которые мы с Софи раскачивали до головокружения, сейчас казались зловещими силуэтами, застывшими в неподвижности. Калитка в переулок была приоткрыта — так, как её всегда оставляла мама, чтобы бездомная кошка могла приходить и уходить, когда захочет. Сейчас эта приоткрытая калитка казалась мне дурным предзнаменованием.

Джон сделал шаг вперёд, и в этот момент из темноты, со стороны гаража, метнулась тень. Я даже не успел понять, что происходит, как он резко выбросил руку вперёд, хватая

что-то невидимое, и раздался сдавленный хрип.

— Не шевелись, — прорычал Джон, прижимая кого-то к стене гаража. Фигура извивалась, пытаясь вырваться, но он держал крепко.

— Кто ты такой? — рявкнул Джон.

Из темноты послышался смех — низкий, булькающий, от которого кровь стыла в жилах.

— Ты думаешь, ты всех перебеёшь? — прошипел голос. — Их слишком много. Ты не сможешь защищать их вечно.

И тут я увидел его лицо — или то, что от него осталось. Это существо было похоже на человека, но его кожа казалась полупрозрачной, сквозь неё просвечивали тёмные вены, а глаза горели тусклым красным светом.

— Отпусти! — закричала Софи, вцепляясь в мою руку с такой силой, что пальцы побелели.

— Тихо, — шикнул я, хотя сам едва сдерживал дрожь. — Всё под контролем.

Но это было неправдой. Ничего не было под контролем.

Существо снова дёрнулось, и на этот раз Джону не удалось его удержать. Оно вырвалось, отпрыгнуло назад, и в тот же миг из темноты выскользнули ещё две фигуры. Они двигались бесшумно, скользя по земле, как змеи, и их глаза светились тем же зловещим красным светом.

— Бегите! — крикнул Джон, выхватывая из-за пояса какой-то предмет — похожий на короткий кинжал с зазубренным лезвием.

Я схватил Софи за руку и рванулся к калитке. Мы бежали, спотыкаясь о корни деревьев, о камни, о старые доски, валявшиеся во дворе. Софи всхлипывала, но не кричала, и я был благодарен ей за это. Каждый звук мог стать для нас роковым.

Мы выскочили в переулок, и тут я увидел машину Джона — тот самый внедорожник, тёмный, неприметный, с тонированными стёклами. Он стоял в тени, почти сливаясь с темнотой, и выглядел сейчас как единственное безопасное место в этом враждебном мире.

— Сюда! — крикнул я, подталкивая Софи вперёд.

Она рванулась к машине, я следом. Я уже видел, как открывается дверь, как Джон замахивается, отбиваясь от одного из существ, как лезвие его кинжала рассекает воздух...

И вдруг передо мной выросла фигура. Я не успел даже закричать — она возникла из ниоткуда, высокая, худая, с неестественно длинными пальцами, которые тянулись ко мне, словно когти.

— Попался, — прошипел голос, и я почувствовал, как ледяные пальцы смыкаются на моём запястье.

Софи закричала.

Я рванулся вперёд, пытаюсь вырваться, и в этот момент что-то тяжёлое ударило существо по голове. Оно отлетело в сторону, и я увидел Джона, стоящего между нами и тьмой, тяжело дышащего, с кинжалом в одной руке и каким-то металлическим предметом в другой.

— В машину! — рывкнул он.

Мы ввалились внутрь, я захлопнул дверь, и в ту же секунду Джон прыгнул за руль. Двигатель взревел, фары вспыхнули, выхватывая из темноты искажённые фигуры, которые уже бежали к нам.

— Держитесь! — крикнул Джон, вдавливая педаль газа в пол.

Машина рванулась вперёд, колёса взвизгнули на мокром асфальте, и мы помчались прочь, оставляя позади дом, который когда-то был нашим убежищем, и ночь, которая хотела нас поглотить.

Софи прижалась ко мне, дрожа всем телом, её глаза были широко раскрыты, а губы беззвучно шевелились, будто она пыталась произнести молитву, которую когда-то шептала мама перед сном.

— Всё хорошо, — повторял я, обнимая её, хотя сам не верил в эти слова. — Мы выбрались. Мы в безопасности.

Но я знал, что это не так. Мы не были в безопасности. И пока эти существа ходили по земле, пока кто-то посылал их за нами, ни один уголок мира не мог считаться безопасным.

Джон смотрел на дорогу, его пальцы крепко сжимали руль, а лицо было напряжённым, сосредоточенным. Он не оглядывался назад, но я знал: он чувствует, что за нами идёт погоня.

— Куда мы едем? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— В убежище, — коротко ответил Джон, не отрывая взгляда от дороги. — Там есть стены, которые они не смогут пробить. Там есть люди, которые знают, как с ними бороться. И там ты научишься защищать свою сестру.

Я посмотрел на Софи. Она закрыла глаза, но я видел, как дрожат её ресницы, как она пытается сдержать слёзы.

— Мы справимся, — прошептал я, скорее себе, чем ей. — Мы обязательно справимся.

Машина мчалась вперёд, разрезая темноту яркими лучами фар, и казалось, что сама ночь отступает перед нами, пусть и ненадолго. Но я знал: это лишь передышка. Настоящая битва ещё впереди. И я должен быть к ней готов.

Глава III

Убежище

Джон вёл машину сквозь ночь, и фары выхватывали из темноты лишь узкие полосы мокрого асфальта, тут же снова тонувшие во мраке. Глаза его были непроницаемы, взгляд прикован к дороге, а сам он казался напряжённым и серьёзным — будто бы держался не за руль, а за весь наш хрупкий мир.

С каждым преодолённым километром я думал о том, как отдаляется от нас наш дом и наша прежняя реальность. Ещё недавно всё было понятно: школа, ужин, мамин рассказы перед сном, папа, который возвращался поздно и пах дождём и бензином. А сегодня... сегодня от этого не осталось ниче-

го.

Мы сидели тихо, почти не дыша. Софи прильнула ко мне, её голова тяжело прижималась к моему плечу. Рядом, зажатый в её объятиях, лежал медвежонок — и даже он, плюшевый и безмолвный, казался сейчас каким-то особенно беззащитным, словно тоже чувствовал опасность. Я слышал, как колотится её сердце — быстро, испуганно, будто маленькая птица билась в клетке.

Словно отпрянув от своих тяжёлых мыслей, я поймал взгляд Джона в зеркале заднего вида. Он скользнул по мне на мгновение — вопросительно, внимательно, без лишней суеты.

— Ты как? — участливо, но серьёзно спросил он, не отрывая глаз от дороги.

Сначала я замялся. Ведь я до сих пор дрожал внутри, каждый звук, каждый поворот заставляли сердце подпрыгивать к горлу. Но я попытался храбриться, скрыть этот липкий страх, который сковывал грудь. Я просто кивнул ему, стараясь выглядеть старше и спокойнее, чем был на самом деле.

Он снова устремил взгляд на дорогу, будто давая мне время собраться. Полосы дорожной разметки мелькали под колёсами, сливаясь в одну бесконечную линию.

Немного подумав, я решился задать вопрос, который жёг язык:

— На папу тоже напал такой же, как тот полицейский?

— Да, — коротко ответил Джон, и в этом слове прозвуча-

ла тяжесть, которую нельзя было не почувствовать.

— Но зачем... Зачем? — прошептал я, и голос мой дрогнул.

Джон чуть сжал руль, костяшки побелели.

— Твой отец очень хотел найти того, из-за кого вашей мамы не стало. Он был хорошим бойцом, упрямым, смелым... но слишком неосторожным. Хотел всё сделать сам. Мне жаль, Кай.

Мне снова стало дико грустно — эта грусть накатывала волнами, смывая остатки храбрости. В горле встал ком, и я сглотнул, чтобы не заплакать.

— Зачем он напал на нас? — спросил я, глядя в темноту за окном, будто там мог найти ответ.

— Хотел спрятать все следы. Убрать тех, кто мог что-то знать. Тех, кто мог продолжить искать.

Я опустил голову, разглядывая свои сцепленные пальцы. Мир становился всё страшнее, и от этого хотелось просто свернуться клубочком рядом с Софи и сделать вид, что ничего не происходит.

— Я понимаю, что на вас навалилось очень многое, — тихо вздохнул Джон, и в его голосе прозвучало не просто сочувствие, а усталость человека, который видел слишком много боли. — Постарайся поспать. Уже поздно, а впереди ещё долгий путь.

Он выключил радио, и тишину теперь заполнял только ровный гул мотора, стук капель дождя по крыше и стеклу да

шум трассы, похожий на отдалённый рокот моря.

Я посмотрел в окно. По стеклу барабанили капли, размывая огни встречных машин в длинные золотистые полосы. Сквозь пелену дождя виднелись мелькающие огоньки ночного города — они скользили мимо, чужие и равнодушные, будто сама реальность отворачивалась от нас. Было чувство, что мы бежали не просто из дома, а от всей прежней жизни, оставляя её позади, как старый, сгоревший дотла лес.

И я не заметил, как усталость взяла верх. Глаза закрылись сами собой, и меня унесло в тяжёлую, без сновидений, дремоту.

Проснулся я уже в постели. Тело было тяжёлым, будто налитым свинцом, а мысли — медленными и путаными. Сначала я подумал, что мне приснился кошмар: длинный, тягучий, от которого хочется стряхнуть с себя одеяло и закричать, чтобы прогнать остатки страха.

Повернув голову на подушке, я медленно вернулся в реальность. Комната была залита мягким дневным светом, полупустая, незнакомая — и точно не наша с Софи спальня.

«Софи!» — мысль ударила, как электрический разряд, прогоняя остатки сна.

Я полуприсел на кровати и оглядел комнату. На другой постели, напротив меня, дремала сестра, свернувшись на бок, подобрав ноги и прижав к себе медвежонка. Она выглядела такой маленькой и беззащитной, словно беззащитный котёнок, которому всё ещё снились хорошие сны. Я выдох-

нул, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

Наконец я поднялся, отыскал свою одежду, висевшую на спинке стула, и, стараясь не шуметь, оделся. Выйдя из комнаты, я оказался в длинном коридоре, залитом светом из высоких окон. Откуда-то издалека доносились приглушённые голоса, шаги, лёгкий звон посуды — звуки чужого, но почему-то не враждебного мира.

«Неужели дом дяди Джона такой огромный...» — подумал я, оглядываясь по сторонам.

Вдруг из бокового прохода показался какой-то парень — примерно на пару лет старше меня, с лёгкой улыбкой и спокойным взглядом.

— Э-мм... Здравствуйте, — скромно обратился я, чуть запинаясь от неловкости. — Вы не знаете, где дядя Джон?

Парень чуть удивился, потом сдержал смешок, но в нём не было насмешки — скорее, лёгкое удивление, смешанное с добротой.

— Дядя Джон? Хочешь, провожу?

— Пожалуйста, — тихо ответил я.

Пока мы шли по коридору, я глазел по сторонам, стараясь запомнить каждую деталь. Это место было похоже на школу — просторную, светлую, с высокими потолками и множеством дверей, ведущих в неизвестные комнаты. Вокруг витал запах бумаги, старой древесины и чего-то ещё, едва уловимого — будто здесь жило знание, оседая пылью на полках и стенах.

Мы прошли мимо лестниц, и впереди открылся просторный холл, уставленный книжными полками до самого потолка. Он напоминал огромный зал библиотеки, где за длинными столами сидело несколько человек — кто-то читал, кто-то тихо переговаривался, кто-то делал пометки в толстых тетрадах. Само место казалось мне всё более величественным и в то же время уютным, будто оно было создано для того, чтобы прятать и защищать тех, кому больше некуда идти.

— Мы пришли, — сказал парень, останавливаясь перед большими деревянными дверьми, украшенными тонкой резьбой.

Он постучал, а затем приоткрыл дверь.

— Директор? — произнёс он и, не дожидаясь ответа, шире распахнул створку.

За массивным письменным столом сидел Джон. Перед ним лежала стопка книг и раскрытая тетрадь с аккуратными, но стремительными записями. Он что-то увлечённо читал, слегка хмурия брови, и на мгновение весь мир, казалось, сузился до этого кабинета и его сосредоточенного лица.

Когда мы вошли, он поднял взгляд, выпрямился, снял очки и, отложив их в сторону, внимательно посмотрел на меня — не спеша, будто хотел увидеть не только лицо, но и то, что прячется за ним.

— Спасибо, — обратился он к парню и чуть приподнял брови, когда тот широко, открыто улыбнулся.

— Хороший мальчишка. Если понадобится, я в трениро-

вочном зале, дядя Джон, — парень подмигнул мне и, развернувшись, ушёл, легко ступая по паркету.

Я почувствовал, как щёки заливает румянец, и опустил взгляд.

— Присаживайся, Кай, — спокойно сказал Джон, указывая на диван у стены, сбоку от письменного стола.

Я сел, стараясь держаться прямо, но пальцы невольно сжимали край сиденья.

— Выспался?

— Да, спасибо вам... за то, что помогли нам, — пробормотал я, поднимая глаза. — Но что теперь с нами будет?

Джон медленно поднялся, подошёл к стеллажу, провёл пальцами по корешкам книг, будто выбирая не просто том, а нужное слово, нужную мысль. Вытащив одну из них, он вернулся, сел рядом со мной и протянул книгу.

— «Сущности тьмы», — прочитал я вслух, ощущая, как холодеет в груди.

— Думаю, здесь вы будете в безопасности. Если захотите остаться, конечно. Это место — своего рода школа. Для тех, кто столкнулся с тем, что обычные люди стараются не замечать. Для тех, кому нужно научиться защищаться... и защищать других. Но, оставшись, пути назад не будет. Вы станете частью этого места.

Я перевёл взгляд с обложки на его лицо. В его глазах не было ни давления, ни спешки — только спокойная уверенность и готовность ждать столько, сколько нужно.

Тогда Джон чуть наклонился вперёд, словно хотел, чтобы я услышал не просто слова, а самую суть того, что он говорил.

— Здесь действует Орден охотников на нечисть, Кай. Он существует уже очень давно. Его задача — оберегать мир людей от тех, кто прячется во тьме: вампиров, оборотней, прочей нечисти. По всему свету разбросаны убежища и школы, где готовят новых бойцов. В них дают обычное образование — математику, историю, всё, что положено любому ребёнку. Но параллельно идёт другая учёба: как выживать, как сражаться, как замечать то, чего обычный человек не видит. Ученики тренируются, готовятся к вылазкам, учатся защищать проблемные зоны — места, где нечисть скапливается и становится особенно опасной. И всё это ради того, чтобы простые люди могли спокойно жить, не зная, какая тьма бродит рядом.

Софи, если захочет, тоже сможет учиться. Здесь есть и младшие группы, где детей учат основам — распознавать следы, чувствовать опасность, пользоваться простыми оберегами. А позже, когда подрастёт, она сможет выбрать свой путь.

Я слушал, и в груди понемногу таял ледяной комок страха. Слова Джона не обещали лёгкой жизни, но они обещали хоть какую-то опору.

— И куда мы теперь? — тихо спросил я.

— Останетесь здесь. Будете учиться, тренироваться, постепенно узнавать этот мир. И, возможно, однажды сами

сможете защищать других.

Я снова посмотрел на книгу в своих руках, потом на Джона, потом в сторону двери, будто за ней всё ещё стояла прежняя жизнь. Но прежней жизни уже не было. А здесь, среди этих стен, книг и незнакомых, но не злых людей, впервые за долгое время мне показалось, что у нас может появиться хоть какой-то шанс.

И мы остались. Идти нам было некуда в любом случае, а здесь, в этом месте, впервые за много дней я почувствовал, что мы не одни.

На следующий день всё закрутилось с невероятной скоростью. Меня определили в группу новичков, и уже утром я стоял в строю вместе с другими ребятами, которым было примерно столько же лет, сколько и мне. Среди них была девочка с короткими тёмными волосами и внимательными глазами — её звали Лия. Рядом с ней стоял высокий парень по имени Марк, который, казалось, знал здесь каждый угол.

Виктор собрал нас в центре зала и начал объяснять основы: как правильно стоять, чтобы не потерять равновесие, как держать оружие, как оценивать противника по его движениям, а не по словам.

Виктор выглядел слишком молодо и спокойно для человека с его репутацией. На первый взгляд — типичный наставник из уцелевшего школьного блока: неброский коричневый свитер, аккуратная причёска, интеллигентный вид. Но я слишком хорошо знал, на что способны эти руки, сейчас

мирно держащие увесистые учебники. Виктор прошел через сотни стычек на поверхности и считался лучшим охотником убежища. Его пронзительный синий взгляд, казалось, видел любого из нас насквозь, подмечая каждую деталь — точно так же, как он выслеживал добычу в темноте. Серебряное кольцо-кафф в его левом ухе и стальной медальон на груди были единственными вольностями, которые он себе позволял. Он редко улыбался, оставаясь хмурым и собранным даже во время скучных уроков, потому что прекрасно знал: за стенами школы правила диктует только сила.

— Охотник должен видеть больше, чем обычный человек, — говорил он, медленно прохаживаясь перед нами. — Вы должны замечать дрожь в пальцах, едва уловимый наклон головы, блеск в глазах. Всё это — сигналы. И если вы научитесь их читать, у вас появится шанс выжить.

Лия подняла руку.

— А если противник не человек? Если это... ну, вампир? Виктор усмехнулся, но в его взгляде не было насмешки.

— Тем более. У них движения чуть быстрее, чуть резче. Их глаза выдают голод. Их кожа слишком холодная. Вы должны научиться доверять своим чувствам. Интуиция — это не магия, это опыт, который накапливается в теле.

После теории начались практические занятия. Мы учились падать, чтобы не травмироваться, учились вставать и снова идти вперёд, даже когда казалось, что сил больше нет. Потом нас разделили на пары, и я оказался с Марком.

Марк сразу бросился мне в глаза. Он сильно выделялся своей яркой зелёной курткой, смуглой кожей и шапкой чёрных кудрявых волос. Шею парня плотно облегал объёмный коричневый шарф, скрывающий татуировку, а руки были скрыты в перчатках без пальцев. Он уверенно шёл по переходу в своих тяжёлых серо-желтых ботинках. Его карие глаза сканировали пространство впереди с чисто профессиональным, холодным интересом, свойственным опытным охотникам.

— Не бойся ошибаться, — тихо сказал он, когда мы встали друг напротив друга с деревянными мечами. — Ошибки — это тоже знания. Главное — не повторять их дважды.

Мы начали медленно, отрабатывая простые блоки и удары. Марк двигался уверенно, но не пытался меня подавить. Он показывал, как можно использовать инерцию противника, как заставить его потерять равновесие.

К концу занятия я уже чувствовал себя не таким беспомощным. Да, я всё ещё падал, всё ещё пропускал удары, но теперь я понимал, что за каждым движением стоит логика, которую можно выучить.

Вечером я нашёл Софи в небольшой комнате, где младшие ученики учились распознавать травы. На столе перед ней лежали пучки сухих растений, маленькие баночки и листы бумаги, куда она старательно записывала названия. Рядом сидела наставница — женщина с мягким голосом и внимательными руками, которые ловко перебирали стебли.

— Кай! — воскликнула Софи, увидев меня, и бросилась ко мне, чуть не опрокинув баночку с сушёной ромашкой. — Смотри, я уже знаю, что полынь отпугивает злых духов, а зверобой помогает от усталости!

Я улыбнулся, глядя на её сияющие глаза.

— Ты молодец, Соф. Очень молодец.

Наставница посмотрела на меня и мягко кивнула.

— Она схватывает на лету. У неё хорошая память и наблюдательность. А это для нашего дела очень важно.

Я благодарно кивнул ей и снова повернулся к Софи.

— Хочешь, пойдём прогуляемся по коридорам? Расскажешь мне всё, что сегодня узнала.

Софи радостно закивала, схватила свой блокнот и, не выпуская медвежонка, пошла рядом со мной. Мы шли медленно, и она без умолку рассказывала про травы, про то, как их собирают, как сушат, как смешивают, чтобы получить нужный эффект. Её голос звучал так живо, так по-детски искренне, что на мгновение мне показалось, будто ничего страшного не случилось, будто мы просто приехали в летний лагерь, где учат чему-то интересному.

Но потом мы завернули за угол и увидели Джона, который стоял у окна, глядя на темнеющее небо. Он обернулся, заметил нас и чуть улыбнулся — так редко и так бережно, что эта улыбка показалась мне самым ценным подарком.

— Как ваши дела? — спросил он.

— Софи уже знает про травы, — гордо сказал я. — А я

сегодня научился не падать с первого удара.

Джон усмехнулся.

— Это уже прогресс.

Софи подошла к нему и, немного поколебавшись, протянула свой блокнот.

— Вот, я всё записала. Можно я покажу?

Джон взял блокнот, внимательно пролистал страницы, кивая.

— Очень аккуратно. И правильно. Ты молодец, Софи. Если будешь так же стараться, однажды сможешь составлять свои собственные смеси.

Её глаза засветились от счастья.

— Правда?

— Правда, — серьёзно ответил он.

Мы ещё немного постояли у окна, глядя, как небо медленно темнеет, как зажигаются первые звёзды, такие далёкие и такие спокойные. И в тот момент я вдруг почувствовал, что, несмотря на всю боль и страх, мы действительно можем научиться жить в этом новом мире. Не просто выживать, а именно жить — делать шаги вперёд, учиться, ошибаться, снова вставать и идти дальше.

А ночью, когда все уже разошлись по комнатам, я лежал на кровати и смотрел в потолок. Медальон на моей груди тихо охлаждал кожу, напоминая о том, что я теперь не один. Где-то рядом спала Софи, в соседней комнате ходили дежурные, а где-то в глубине здания Джон и другие охотники обсужда-

ли планы, проверяли оружие, готовились к новым вылазкам.

Я знал, что впереди нас ждут испытания. Знал, что путь будет трудным и опасным. Но теперь у меня была цель, были люди, на которых можно опереться, и было чувство, что каждый мой шаг — это шаг к тому, чтобы однажды сдержать свою клятву: защитить Софи и отомстить за родителей.

И с этой мыслью я наконец уснул — спокойно, без кошмаров, зная, что сегодня нас никто не тронет. А завтра... завтра мы будем готовы к новому дню.

Дни складывались в недели, и постепенно я начал замечать, как меняется не только моё тело, но и мой взгляд на мир. Каждое утро начиналось одинаково: подъём до рассвета, короткая разминка, холодный душ, который бодрил лучше любого кофе, и завтрак в общей столовой, где пахло свежей выпечкой и горячим какао. Но за этим обыденным фасадом скрывалась другая реальность — та, где каждое движение имело значение, а каждый звук мог быть предупреждением.

Однажды Виктор подошёл ко мне после тренировки и сказал:

— Сегодня ты пойдёшь со мной на обход периметра. Пора учиться видеть не только то, что бросается в глаза.

Я едва сдержал волнение. До этого момента все мои вылазки ограничивались стенами тренировочного зала.

Мы вышли через боковую дверь, минуя главный вход, и оказались в саду, который окружал здание. Днём он выгля-

дел почти идиллически: аккуратные клумбы, подстриженные кусты, каменные дорожки. Но сейчас, в серых предрасветных сумерках, сад казался совсем другим — тихим, насторожённым, будто затаил дыхание.

— Смотри под ноги, — тихо сказал Виктор. — И не только под ноги. Смотри на землю, на траву, на ветки. Любая мелочь может рассказать историю.

Мы шли медленно, почти бесшумно. Виктор останавливался, наклонялся, что-то рассматривал, потом показывал мне.

— Видишь эти едва заметные вмятины? Кто-то прошёл здесь недавно. А вот эти сломанные стебли — он спешил. А здесь... — он провёл пальцем по коре дерева, — царапины. Не от когтей животного. Слишком ровные. Кто-то проверял прочность.

Я вглядывался в эти следы, пытаюсь увидеть то, что видел он. И постепенно мир начал раскрываться передо мной, как старая карта, на которой проступают забытые тропы.

— Теперь смотри на тень, — продолжал Виктор. — Тени не лгут. Они показывают, где что-то двигалось, где кто-то прятался.

Я прищурился, вглядываясь в серую полутьму. Тени лежали на земле причудливыми узорами, будто кто-то нарочно разбросал лоскуты тьмы. Сначала мне казалось, что это просто игра света и сумерек, но потом я заметил: одна тень, от невысокого куста, лежала не так, как должна была. Её край

был чуть смазан, будто по нему провели рукой.

— Видишь? — тихо спросил Виктор, не поворачиваясь ко мне, будто знал, что я всё ещё пытаюсь разобраться. — Тень не должна быть такой. Куст стоит ровно, а тень будто тянется в сторону дорожки. Кто-то стоял здесь и двигался слишком быстро. Тень не успела «догнать» движение.

Я кивнул, хотя внутри всё ещё бурлило от волнения. Мир вдруг стал слишком подробным: каждый листок, каждая травинка будто кричала о чём-то, чего я раньше не слышал.

Мы двинулись дальше, теперь я уже сам искал эти мелкие несоответствия. И они начали попадаться: сломанная веточка, которая лежала не там, где её должен был оставить ветер; едва заметный след на влажной земле — не совсем отпечаток ботинка, но что-то похожее; тонкая нитка, зацепившаяся за ветку, слишком ровная, чтобы быть паутиной.

— Это от одежды, — пояснил Виктор, осторожно коснувшись нитки. — Кто-то зацепился и не заметил. Или не успел снять. Такие мелочи выдают спешку. А спешка — это ошибка. А ошибки мы используем.

Мы обогнули угол здания и вышли к старой каменной ограде. Здесь сад переходил в лес, тёмный и густой, будто собранный из одних только теней. Виктор остановился, поднял руку, приказывая мне замереть. Он стоял неподвижно, только его глаза бегали по кустам, по деревьям, по земле, словно он читал невидимую книгу.

Вдруг он резко присел и указал на едва заметную бороздку

в земле. Она была тонкой, почти стёртой, но вела от ограды к кустам.

— Здесь кто-то полз, — прошептал Виктор. — Не шёл, а именно полз. Чтобы не попасть в поле зрения с верхних окон.

Моё сердце забилося быстрее, и я вдруг остро почувствовал, как мало я знаю, как хрупок этот мир, который я считал обычным.

— Что будем делать? — так же шёпотом спросил я.

— Сначала проверим, ушёл ли он. Или ждёт.

Виктор достал из кармана небольшой предмет — похожий на компас, но без привычных делений. Вместо них по кругу шли странные символы, а стрелка была не одной, а тремя, переплетёнными между собой. Он повертел его в пальцах, потом поднял, медленно вращая. Одна из стрелок вдруг дрогнула и повернулась в сторону леса.

— Есть движение, — тихо сказал Виктор. — Недалеко. И оно не человеческое.

У меня похолодели пальцы. Я вспомнил медальон на груди — его холодный металл вдруг стал единственным якорем в этом новом, пугающем мире.

— Держись за мной, — приказал Виктор, и в его голосе не было ни страха, ни суеты — только спокойная готовность. — И не делай резких движений. Если увидишь что-то, не кричи. Просто коснись моего плеча. Понял?

Я снова кивнул, с трудом сглатывая комок в горле.

Мы двинулись вдоль ограды, прижимаясь к камню. Каждый шаг казался мне слишком громким, каждый шорох — криком. Но Виктор шёл так легко, будто земля сама подставляла ему опору.

Когда мы подошли к краю леса, Виктор снова замер. Он поднял руку, и я увидел, как он достаёт из-за пояса короткий кинжал. Серебро тускло блеснуло в предрассветном свете.

— Стой здесь, — прошептал он. — Если что-то случится, беги к главному входу. Там дежурит охрана. Но не беги по прямой — петляй, как заяц. Понял?

Я хотел сказать, что не оставлю его, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнул.

Виктор скользнул в тень деревьев, почти растворившись в ней. Я остался один, прижавшись к холодной стене. Время будто растянулось: каждый вдох длился вечность, каждый звук — шелест листьев, далёкий крик птицы, тихий скрип ветки — отдавался в ушах.

И вдруг я услышал это. Тихий, едва уловимый звук — не то стон, не то шёпот. Он шёл из глубины леса, низкий, вибрирующий, будто голос самой тьмы.

Я замер, боясь даже дышать. Потом медленно, стараясь не шуметь, потянулся к медальону и сжал его в кулаке. Металл был ледяным, но в этом холоде чувствовалась странная сила — будто он впитывал мой страх и превращал его в решимость.

Внезапно из леса донёсся резкий звук — что-то тяжёлое

упало, потом раздался короткий, глухой удар. Я напрягся, готовый броситься вперёд, но тут из тени вышел Виктор. Он шёл быстро, но спокойно, и на его лице не было ни паники, ни торжества — только усталость и сосредоточенность.

— Всё в порядке, — тихо сказал он, подходя ко мне. — Это был разведчик. Один из низших вампиров. Он не успел передать сигнал.

Я выдохнул, и только теперь понял, как сильно сжимал кулаки.

— Ты хорошо держался, — добавил Виктор, внимательно посмотрев на меня. — Не бросился вперёд, не закричал. Это важнее, чем кажется. В нашем деле смелость — это не когда не боишься. Смелость — это когда боишься, но делаешь то, что нужно.

Я слабо улыбнулся, хотя улыбка получилась дрожащей.

— А что теперь? — спросил я.

— Теперь мы вернёмся и доложим Джону. Он решит, нужно ли усиливать охрану. И, возможно, нам придётся выйти на более серьёзную охоту. Но это будет позже. Сейчас главное — ты увидел, как выглядит настоящая угроза. Не в книжках, не в рассказах. А вот так, в тени, в сломанной ветке, в странной тени.

Мы пошли обратно, и теперь сад уже не казался мне просто садом. Каждый куст, каждое дерево будто хранило свою тайну, свой шёпот, свою историю. И я понимал: чтобы защитить Софи, мне нужно научиться слышать эти шёпоты рань-

ше, чем они станут криками.

Когда мы вернулись к зданию, солнце уже поднималось над горизонтом, заливая всё тёплым, почти обманчиво мирным светом. Но я знал: этот свет не прогоняет тьму навсегда. Он лишь даёт короткую передышку.

В холле нас уже ждал Джон. Он стоял, прислонившись к колонне, и смотрел на нас так, будто мог прочесть всё, что произошло, по нашим лицам.

— Ну, что скажете? — спокойно спросил он.

Виктор коротко, без лишних слов, рассказал о находках. Джон слушал, не перебивая, только время от времени кивал. Когда Виктор закончил, Джон посмотрел на меня.

— Ты был с ним? Видел всё?

— Да, — ответил я, стараясь говорить твёрдо. — Я... я старался не мешать.

— Ты не мешал, — сказал Джон. — Ты учился. А это самое важное.

Он подошёл ко мне и положил руку мне на плечо. Его ладонь была тяжёлой и тёплой, и в этом прикосновении я вдруг почувствовал ту самую опору, которой мне так не хватало.

— Сегодня ты сделал первый настоящий шаг, Кай, — тихо произнёс Джон. — Дальше будет сложнее. Будут моменты, когда захочется всё бросить. Но помни: ты не один. У тебя есть сестра, есть учителя, есть Орден. И у тебя есть цель. Держись за неё, когда станет страшно.

Я кивнул, чувствуя, как внутри разгорается что-то новое

— не просто решимость, а понимание: я действительно могу стать тем, кто защитит тех, кого любит.

— А теперь иди найди Софи, — добавил Джон. — Пусть она увидит, что ты вернулся. Детям важно знать, что те, кто им дорог, возвращаются.

Я повернулся и пошёл по коридору, и с каждым шагом страх отступал, уступая место чему-то более сильному. В комнате Софи сидела на кровати, обнимая медвежонка, и смотрела в окно. Когда она увидела меня, её лицо озарилось такой радостью, что все мои тревоги вдруг показались мелкими и незначительными.

— Кай! — она вскочила и бросилась ко мне, крепко обняв. — Ты был на задании? Джон сказал, что вы с Виктором ходили проверять периметр!

Я улыбнулся и сел рядом с ней, притянув её к себе.

— Да, — признался я. — Но это было не так страшно, как кажется. Главное — быть внимательным. Как ты, когда запоминаешь травы. Ты ведь тоже защищаешь нас, просто по-своему.

Софи на мгновение задумалась, потом серьёзно кивнула.

— Тогда я буду учиться ещё лучше. Чтобы, если ты будешь сражаться, я могла приготовить что-то полезное. Что-то, что поможет.

Я погладил её по голове, чувствуя, как в груди становится тепло.

— Ты уже помогаешь, Соф. Просто тем, что ты есть. Тем,

что ты не теряешь надежду.

Она улыбнулась и прижалась ко мне, и в этот момент я понял: ради этого чувства, ради её безопасности, я готов учиться, тренироваться, смотреть в темноту и не отводить взгляд.

А за окном день становился всё светлее, и школа, эта огромная, тихая крепость знаний и силы, будто обнимала нас своими стенами, обещая: сегодня мы в безопасности. А завтра... завтра мы будем готовы встретить любой вызов.

Глава IV Девочка у дверей

Нас заселили в комнату в этом убежище, и время словно замерло, растянувшись в тягучую, монотонную бесконечность. Дни превратились в рутину, в которой мы ходили на учёбу по узким, плохо освещённым коридорам, где с потолка порой сыпалась штукатурка, а в углах пряталась густая, почти осязаемая тень. Возвращаясь, мы обучались искусствам борьбы против чудовищ — не абстрактным приёмам из пыльных книг, а жёсткой, выматывающей практике, где каждый промах мог стоить жизни. В зале для тренировок пахло потом, ржавым металлом и чем-то едким — вероятно, дезинфицирующим раствором, который едва справлялся с запахом пота после спаррингов.

Здесь были ребята разных возрастов — мальчишки и девочки, чьи лица рано стали серьёзными, а глаза — осторожными. Кто-то прятал под рукавами свежие ссадины, кто-то старался не смотреть на пустые места тех, кто не вернулся с вылазки. Времени для совместного времяпрепровождения почти не было: даже короткие передышки казались роскошью, которую мы не могли себе позволить.

Директор Джон оказался довольно строгим учителем — не жестоким, но беспощадно требовательным. Он закалял в нас волю, умение постоять за себя и давал знания во многих

направлениях: от тактики и обращения с оружием до основ медицины и чтения следов. Его голос, низкий и ровный, звучал в коридорах убежища как неизбежность, к которой приходилось прислушиваться, чтобы выжить.

Мы с Софи, окружённые заботами и этой дисциплиной, почти не думали о том, что с нами случилось, — или старательно не позволяли себе думать. Но всё же иногда тоска захлестывала нас, накатывая волнами в самые тихие часы, когда убежище замирало и становилось слышно, как где-то капает вода, а ветер скребётся в ставни.

А я... с каждым разом принимал как долг и благодарность шанс отомстить и, возможно, спасти жизнь таким, как мы — тем, кто остался без дома, без семьи, с пустотой внутри и страхом на кончиках пальцев. Эта цель была единственной нитью, которая не давала мне сломаться.

Иногда Софи забиралась ко мне в постель, тесно прижималась, будто хотела спрятаться от всего мира, и мы сидели под одеялом, которое пахло старым текстилем и слабым запахом травяного отвара. Я читал ей сказки, стараясь говорить спокойно, хотя в горле порой вставал ком. Эти моменты были поистине беззаботными — настолько, насколько вообще могли быть в нашем мире, где за стенами рыскали чудовища, а тишина ощущалась на коже.

Казалось, что Джон тренировал нас особо строго, будто знал, что впереди нас ждёт нечто худшее, чем мы могли вообразить. Для мужчины средних лет его движения были от-

точены годами тренировок — в них не было ни лишней суеты, ни показной силы, только холодная, смертоносная точность. Он двигался как кошка: плавно, бесшумно, с пугающей лёгкостью. На тренировках он был быстр и чётко — так, что даже самые старательные ученики не могли его превозмочь. Мы с каждым разом учились у него чему-то новому: не только ударам и уклонам, но и тому, как дышать сквозь боль, как не терять голову в хаосе боя, как отличать панику от инстинкта.

Он готовил нас для вылазок в логова вампиров и зачисток в городе — в места, где руины домов напоминали о мирной жизни, а каждый угол таил угрозу. Ребята постарше вставляли в пары и уже ходили на миссии, возвращаясь с усталыми лицами, а иногда с новыми шрамами, которые не показывали, но и не скрывали. Мы пока учились и росли под его началом, впитывая каждую крупицу знаний, будто от этого зависела наша жизнь — а она и правда зависела. Я и не заметил, как Джон заменил нам семью: не ласковой заботой, а твёрдой опорой, на которую можно было опереться, когда земля уходила из-под ног.

В одну ночь, когда день предвещал быть таким же обыденным, как и всегда, у дверей института нашли девочку. Она пришла сама — или её принесло судьбой, никто не знал. Один из последователей нашёл её у дверей, дрожащую, с посиневшими от холода пальцами, и занёс на руках внутрь, будто она была чем-то хрупким и невероятно ценным.

Это был настоящий переполох: тревожные голоса, быстрые шаги, приглушённые команды, свет фонарей, метавшийся по коридорам. В убежище редко случалось что-то новое, и любое изменение воспринималось как предвестник беды или, наоборот, надежды.

Она показалась мне очень красивой, но не той красотой, что бросается в глаза, а той, что цепляет взгляд и не отпускает. Выющиеся тёмно-каштановые волосы падали на плечи спутанными прядями, а живые зелёные глаза казались слишком яркими на бледном лице, будто в них отражался какой-то внутренний свет. В её взгляде было что-то знакомое — и в то же время чужое, словно она пришла из другого мира, где всё было иначе.

Её поместили в мою группу, так как она подходила по возрасту, и это решение будто само собой легло на нужные весы. Теперь она сидела на занятиях рядом с нами, прямая, напряжённая, будто готовая в любой момент вскочить и убежать.

Я делал вид, что увлечен своей остывающей похлебкой, но на самом деле ни на секунду не выпускал её из виду. Она сидела в самом углу столовой, резко выделяясь среди сырых, серых стен убежища своим чистым, светлым платьем с чёрной отделкой. Тёмно-каштановые пряди закрывали её лицо, когда она опускала голову, но каждый раз, когда она выпрямлялась, я буквально заново натывался взглядом на её невероятные зелёные глаза. В них читался острый, живой ум. Она явно анализировала обстановку и оценивала уровень нашей

безопасности так же, как и я. Мы не сказали друг другу ни слова, но, рассматривая её в этой полутемной столовой, я окончательно убедился: с ней нужно держать ухо востро

Обычно она держалась отстранённо, не искала ни дружбы, ни сочувствия, но при этом не отталкивала грубо. Хотя преуспевала в учёбе и на тренировках, быстро схватывая движения и запоминая тактики, она оставалась тихой и загадочной. И именно эта загадка, эта недоговорённость так привлекала мой интерес, заставляя снова и снова искать в её лице ответы на вопросы, которые я даже не решался задать.

Однажды в обеденное время я всё же решил к ней подойти. В столовой стоял привычный гул голосов, звон посуды и запах тушёных овощей. Присев за столом перед ней, я почувствовал себя глупо: слова застряли в горле, а ладони вдруг стали влажными. Я не знал, что сказать, и от этого чувствовал себя ещё более неуклюжим.

Она перестала есть и, подняв взгляд, с удивлением уставилась на меня, будто не могла понять, зачем я здесь. В её глазах мелькнуло что-то вроде настороженности, смешанной с любопытством.

— Что? — бросила она, и в этом коротком слове прозвучало столько усталости и недоверия, что я едва не встал и ушёл.

Я опешил, но заставил себя остаться.

— Эм... Приятного аппетита. Я — Кай. Можно я пообедаю вместе с тобой?

Она пожала плечами, будто ей было всё равно, и продолжила есть, но теперь уже не спеша, разглядывая меня исподволь, так, что я чувствовал её взгляд кожей.

— Как тебя зовут? — спросил я, пытаюсь заполнить тишину, которая становилась слишком тяжёлой.

— Рей. — Она поправила волосы, кончиками пальцев убрав прядь за ухо, и на мгновение её лицо стало чуть мягче, будто воспоминание о чём-то хорошем скользнуло по нему и тут же исчезло.

— Что с тобой случилось? Как ты оказалась перед дверьми школы? — слова вырвались сами, и я тут же пожалел о них: в её глазах снова мелькнула тень, и она будто закрылась, став непроницаемой.

— Я... не помню, — тихо произнесла она, глядя куда-то мимо меня, в точку, которую видел только она. — А ты?

— Ну, так получилось: директор спас меня и сестру и привёл сюда. Слова давались тяжело, но я говорил, потому что хотел, чтобы она знала: она не одна в этом странном, опасном мире.

— Директор Джон? — уточнила она, будто проверяя, правильно ли поняла.

— Угу... — кивнул я, чувствуя, как внутри шевелится старая боль.

— А твои родители тоже здесь?

— Их не стало... Монстры их убили, — сказал я и немного опешил, потому что воспоминание опять кольнуло меня,

острым и холодным, как лезвие. Перед глазами на мгновение встала картина той ночи: крики, тьма, запах гари и крови, и руки, которые тянулись ко мне, но не успели дотянуться.

Рей нахмурилась. Я заметил, как она напряглась, сжимая ложку в руке так, что костяшки побелели. В этом жесте было столько сдерживаемой силы и боли, что мне захотелось сказать что-нибудь, чтобы снять это напряжение, но слова не находились.

— Это печально... — наконец прошептала она, и в её голосе прозвучала такая искренняя, тихая печаль, что у меня сжалось сердце. — А я не помню своих родителей... Вообще мало что могу вспомнить. Только обрывки, как сны, которые исчезают, стоит только проснуться.

Время приближалось к занятиям, и мне нужно было идти, но уходить не хотелось. Хотелось сидеть здесь, пока она говорит, пока в её глазах не исчезает этот свет, пусть даже на мгновение.

— Мне пора на учения, — сказал я, вставая и чувствуя, как неловко звучат эти слова после всего, что мы только что сказали. — Если хочешь, приходи в комнаты в правом крыле. Познакомлю тебя со своей сестрой. Может, поиграем в настольные игры. Они старые, местами потёртые, но помогают забыть, хоть ненадолго, что за стенами беспокойно. Рад знакомству, Рей.

Девочка растерялась, будто не знала, как реагировать на эту простую, человеческую доброту. На её лице промельк-

нуло что-то похожее на благодарность, смешанную с недоверием. Но потом она улыбнулась — не широко, не радостно, а так, будто пробовала эту улыбку впервые и не была уверена, подходит ли она ей. И, кивнув мне, тихо сказала:

— Хорошо. Я приду.

Когда я вернулся на тренировку, Виктор уже ждал нас в зале. Его взгляд скользнул по мне, будто он считывал моё состояние, как показания приборов.

— Ты сегодня рассеян, — коротко бросил он, не повышая голоса. — В реальном бою это значит — смерть. Соberись.

Я кивнул, чувствуя, как щёки заливает жар. Не от стыда, а от того, что он был прав. Я позволил эмоциям взять верх, а здесь это было непозволительной роскошью.

— Прости, — выдохнул я. — Больше не повторится.

Виктор чуть склонил голову, будто принимая извинение, но не смягчаясь.

— Сегодня будешь работать в паре с Лией. Она жёсткая, но справедливая. И не даст тебе витать в облаках.

Лия стояла в стороне, проверяя обмотку на рукояти деревянного меча. Её тёмные волосы были собраны в тугий хвост, а взгляд был сосредоточенным, как у хищника перед прыжком. Когда я подошёл, она коротко кивнула, без лишних слов.

— Готов? — спросила она, поднимая меч.

— Готов, — ответил я, стараясь звучать уверенно.

Мы встали друг напротив друга, и Виктор дал сигнал к

началу.

Первые минуты были сплошным хаосом: я пытался предугадать её движения, но она действовала не по шаблону. Её удары были резкими, точными, будто она знала, где я ошибусь, ещё до того, как я делал шаг. Я блокировал, отступал, снова пытался атаковать — и каждый раз оказывался на шаг позади.

— Не думай, — вдруг крикнула Лия, делая резкий выпад, который я едва успел парировать. — Чувствуй. Ты слишком много думаешь.

Я замер на мгновение, сбитый с толку.

— Что?

— Чувствуй, — повторила она, опуская меч и глядя на меня серьёзно. — Не просчитывай каждый удар. Слушай своё тело. Оно знает, как выжить.

Виктор, стоявший неподалёку, одобрительно хмыкнул.

— Она права. Мозг в бою — это враг, если он начинает паниковать. Доверься рефлексам.

Я снова поднял меч, на этот раз стараясь не анализировать, а просто реагировать. И вдруг что-то щёлкнуло: я почувствовал, как меняется её вес, как она переносит центр тяжести перед ударом, как её дыхание становится чуть короче. Я успел поставить блок и даже контратаковать — не сильно, но достаточно, чтобы Лия отступила на полшага.

— Вот, — сказала она, чуть улыбнувшись. — Теперь ты здесь.

Остаток тренировки прошёл легче. Я не стал непобедимым, но отточил ещё одно знание. Когда мы закончили, Лия хлопнула меня по плечу.

— Неплохо. Для того, кто сегодня явно думал не о тренировке.

Я смущённо улыбнулся.

— Спасибо. Ты... помогла.

— Мы все здесь помогаем друг другу, — просто ответила она. — Иначе не выжить.

После тренировки я отправился искать Софи. Она была в учебной комнате для младших, где вместе с другими детьми училась травоведению и составлять простые смеси. Когда я вошёл, она подняла голову и просияла.

— Кай! Ты пришёл! Смотри, я научилась делать настойку из ромашки и мяты. Она помогает, если болит голова.

Я подошёл и сел рядом, разглядывая её аккуратные записи и маленькие баночки.

— Ты молодец, Соф, — искренне сказал я. — Очень молодец.

Софи гордо выпрямилась.

— Наставница говорит, что у меня талант. И что однажды я смогу помогать раненым.

Я улыбнулся, чувствуя, как гордость за сестру смешивается с тревогой. Она росла, училась, становилась сильнее — но мне всё равно хотелось защитить её от всего этого мира.

— Ты будешь лучшей, — пообещал я. — Я в тебя верю.

Она наклонилась ко мне и тихо прошептала:

— А ты сегодня дрался?

Я чуть поморщился, вспоминая свои ошибки.

— Да. И много раз падал. Но в конце стало получаться лучше.

Софи серьёзно кивнула, будто это была самая важная новость.

— Значит, ты становишься сильнее. Как рыцарь.

Я рассмеялся, и этот смех был как глоток свежего воздуха.

— Наверное, да. Только мой замок — это убежище, а мои драконы — те, кто прячется во тьме.

Софи задумалась, потом сказала:

— Тогда я буду твоей волшебницей. Буду готовить зелья, чтобы ты мог сражаться.

Моё сердце сжалось от любви к ней.

— Договорились, — прошептал я, обнимая её. — Мы будем защищать друг друга.

Когда мы вышли из комнаты, в коридоре уже сгустились сумерки. Светильники, тускло мерцавшие на стенах, отбрасывали длинные тени, и казалось, что эти тени шевелятся, будто живут своей жизнью.

И тут я увидел Рей. Она стояла у окна, глядя на темнеющее небо, и её силуэт казался почти прозрачным в полумраке.

— Привет, — осторожно сказал я, подходя ближе. — Ты... пришла.

Она обернулась, и на её лице снова мелькнуло это странное выражение — смесь настороженности и облегчения.

— Пришла, — кивнула она. — Но я не знаю, что делать. Все здесь знают друг друга, а я... чужая.

Я хотел сказать, что она не чужая, но слова застряли. Вместо этого я просто протянул руку.

— Пойдём. Я познакомлю тебя с Софи. Она... она умеет делать так, что даже самое страшное становится чуть менее страшным.

Рей посмотрела на мою руку, потом на меня, и, наконец, осторожно вложила свою ладонь в мою. Её пальцы были холодными, но в этом холоде чувствовалась хрупкая сила.

Мы пошли по коридору, и я рассказывал ей о Софи, о её любви к травам, о том, как она мечтает стать целительницей. Рей слушала, не перебивая, и постепенно её плечи опускались, напряжение уходило.

Когда мы вошли в нашу комнату, Софи уже раскладывала на столе свои баночки и листочки. Увидев нас, она вскочила.

— Ой! А это кто?

— Это Рей, — сказал я. — Она теперь с нами. И... она хочет познакомиться.

Софи на мгновение замерла, потом шагнула вперёд и протянула руку, совсем как взрослая.

— Рада познакомиться, Рей. Хочешь, я покажу тебе свои травы? У меня есть даже сушёная лаванда. Она пахнет очень приятно.

Рей улыбнулась — на этот раз чуть шире, и в этой улыбке было что-то настоящее.

— Хочу, — тихо ответила она.

Они сели на кровать, и Софи начала рассказывать, показывая каждую баночку, каждый листок, каждую травинку. Рей слушала внимательно, задавала вопросы, и постепенно в её глазах появлялся тот самый свет, который я заметил в первый раз, — свет любопытства и надежды.

Я сел на стул у стены, наблюдая за ними, и вдруг понял, что впервые за долгое время чувствую не только тяжесть ответственности, но и что-то ещё — лёгкость, которая появляется, когда ты знаешь, что не один.

Позже, когда Софи уснула, прижавшись к медвежонку, а Рей ушла в свою комнату, я остался сидеть у окна, глядя на звёзды. Они казались такими далёкими и такими спокойными, будто ничего не знали о тьме, которая бродит по земле.

Но я знал. И я был готов к тому, чтобы однажды встретиться с этой тьмой лицом к лицу.

На следующее утро Джон собрал всех старших учеников в главном зале. Его фигура в полутёмном помещении казалась почти монументальной, а голос звучал так, что каждый невольно выпрямлялся.

— Сегодня мы начинаем подготовку к вылазке, — объявил он, оглядывая нас. — В старом районе города, в заброшенной больнице, замечена активность вампиров. Нам нужно проверить, насколько серьёзны эти данные, и, если потре-

буется, зачистить территорию.

По залу прокатился тихий шёпот. Кто-то напрягся, кто-то сжал кулаки, кто-то просто смотрел на Джона, будто ища в его лице подтверждение, что мы справимся.

— Вы пока не пойдёте в бой, — продолжил Джон, обращаясь к младшим, включая меня. — Ваша задача — поддерживать связь, следить за сигналами и быть готовыми к эвакуации, если что-то пойдёт не так. Но вы будете частью операции. Каждый из вас важен.

Я почувствовал, как внутри поднимается волна смешанного страха и гордости. Мы были нужны. Не просто как ученики, а как часть команды.

Следующие дни превратились в сплошную подготовку. Мы учились настраивать радиопередатчики, разбирать и собирать их, расшифровывать сигналы, которые могли прийти с поля боя. Мы тренировались эвакуировать раненых, оказывать первую помощь, использовать дымовые шашки и световые гранаты — не для атаки, а для отвлечения и прикрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.